

Метод финансового права: генезис*

КАЗАНЦЕВ Николай Михайлович,
руководитель Центра экономико-
правовых проблем государственно-
го и муниципального управления
ИЗиСП, доктор юридических наук,
профессор

Эмиссия денег, законов и возобновление права. Эмиссия денег и законов осуществляется властью, и в этой части они находятся в ее ведении, юрисдикции и владении. Но при этом у власти нет монополии на установление исчерпывающих правил для частных действий, состояний и отношений, в том числе и на отношения образования новых финансовых инструментов, если, конечно, это демократическая власть, а не державная, поскольку у последней такая монополия есть и она традиционна для державного права.

Финансовое право не превосходило бы собой законодательство, если бы каждый был вправе договариваться с любым другим не только о правилах их отношений как частных правилах, касающихся исключительно договорившихся сторон, но и о ценности и знаках передаваемых в этих отношениях благ, ликвидность которых будет оцениваться также и другими лицами на свободном рынке. Конечно, право договариваться признается властью, закрепляется законом и защищается. Непредоставление властью достаточных мер защиты для таких отношений, как это происходит в законодательстве о финансовых деривативах, возвращает право и государство к державному,

т. е. к дорефлексивному состоянию безответственной свободы — свободы вредить всякой другой свободе и самим себе.

Законы как императивные формы права, изданные властью, денежные знаки как диспозитивные формы мерных и ликвидных прав собственности, эмитированные властью, ценные бумаги как права участия в правах собственности, выпущенные властью, обществами или гражданами, финансовые деривативы как инструменты прав управления правами участия в правах собственности, также выпускаемые дееспособными субъектами права, призваны обеспечить воспроизводимость как общественных и частных отношений, так и прав возобновления общественных и частных отношений, без которых невозможно никакое общество, цивилизация и человечество.

Нереализованные (имущественно) права собственности закрепляются в виде знаков, обладающих мерой, ценностью и ликвидностью.

Финансовое право для реализации метода права по отношению ко всему праву имеет субстанциональное значение. Именно финансовое право фиксирует ценностные результаты любых правоотношений в денежной форме, закрепляет за лицами, осуществившими их, объем прав в денежной форме, и это позволяет в последующем возобновлять те правоотношения, которые дали положительный финансовый результат. Таким образом, сохранение и возобновление права, иными словами, длящаяся природа права, обеспечивается как посредством авторитета власти и ее предписаний, так и путем финансовой формы и

* См.: Казанцев Н. М. Метод финансового права: переосмысление // Журнал российского права. 2012. № 6.

метода осуществления и возобновления права.

Метод формы в праве и лингвистический метод. Метод обеспечивает единство трех ипостасей права как науки, нормотворческой и правоприменительной практики через их объединяющую обратную связь правоприменения с нормотворчеством, реализуемую по мере развития цивилизации со все возрастающей ролью науки как средства анализа практики и источника нормативных предположений для законодательства. В каждой из них, сочлененных в праве как обратной связи его субъектов с последствиями их деяний, правооткрытии, правотворчестве и правоосуществлении, используются свои методы, специфические для научного исследования, языкового прескриптивного установления и практического правоприменения. Метод правовой формы объединяет их в единую обратную связь причиненного с причинителем, и таким образом реализует суть метода права.

Эта обратная связь фундаментальна и для метода финансового права. В нем она дополняется финансовой обратной связью, выражающейся в процессе систематического возрастания ценности национального богатства в частных и публичных достояниях, образующего тот сигнальный результат национальной финансово-правовой системы, который поступает в нее снова для стратегически ориентированного перераспределения и развития. Так, методы обратной связи и правовой формы выступают основными методами как для права в целом, так и для финансового права в частности, и поэтому являются *общеправовыми методами*.

Право предотвращает распад общества и государства и делает это посредством единства своего метода, произрастающего из равенства граждан перед законом и судом и равенства их прав собственности и иных гражданских прав.

Метод — это способ осуществления и развития миссии и функций системы во времени и среде. Конечно, понятие способа почти никак не проясняет понятие метода, которое происходит от греческой приставки *meta*, что означает «над». Поэтому всякий метод образован формами и отношениями обусловливания и опосредования действий, отношений и состояний системы, практикующей его. Соответственно, метод финансового права образован финансово-правовыми формами и отношениями, которыми могут быть обуславливаемы и опосредуемы действия, отношения и состояния субъектов права в связи с созданием, приумножением и реализацией прав ценности мерных ликвидных прав собственности.

Метод права состоит в том, чтобы применить в настоящем или будущем к субъекту формы последствия его же деяний в прошлом или настоящем. Если деяния субъекта ограничивали, пресекали или нарушали права других лиц, то и его права должны быть подвергнуты констрикции. Деяния, повлекшие негативные финансово-правовые последствия¹, наказуемы, но позитивные правовые и иные последствия подтверждают его правовой статус деятеля и образуют для его дальнейшей деятельности непресекаемую, но контролируруемую правовую основу. Таким образом, метод права совершает рефлекссию действий, отношений и состояний субъектов права. Рефлексия в русской общественной мысли XIX в. именовалась восклонением. Метод права свое восклонение или обратную связь совершает благодаря специальной, *прескриптивной языковой форме* правовых норм, имеющей вид последовательных, грамматически и семантиче-

¹ То есть и финансовые, и правовые последствия, которые существенно шире финансово-правовых последствий, квалифицируемых исключительно по финансовому праву.

ски связанных, означаемых позиций: гипотеза — модальный оператор — диспозиция — модальный оператор — санкция. Под модальными операторами со времен В. Г. Лейбница понимают наречия, обладающие императивным или диспозитивным смыслом, которые в сочетании с одним или несколькими диспозитивными предложениями придают им соответствующий, обязательный или избираемый для исполнения, смысл. В. Г. Лейбниц возвысил догмы императивного и диспозитивного методов в праве до модальной логики права. В «*Elementa juris naturalis*» (1672) он писал: «Все подчинения, перестановки и противоположения, которые были выявлены Аристотелем и его интерпретаторами, могут быть с успехом перенесены на эти наши модальности права», и далее: «Под *Iuris Modalia* (модальности права (лат.)) Лейбниц подразумевал деонтические категории «обязательно» (*debitum*), «позволено» (*licitum*), «запрещено» (*illicitum*) и «безразлично» (*indifferentum*)»². Примечательно, что В. Г. Лейбницу был очевиден тот же самый набор модальных операторов, что и современный, которым пользуется правовая наука и практика праворегулирования. Как справедливо указывает К. С. Бельский, «способы правового регулирования получают свое выражение в нормах права. В том, как *формируется диспозиция правовой нормы* (курсив мой. — Н. К.), обнаруживается конкретный способ регулирования. К таким способам относятся: 1) обязывание; 2) запрещение; 3) дозволение»³.

Выделенное курсивом положение содержит в себе вопрос о том, как образовывается диспозиция правовой

нормы, ответ на который пока что находится за границами не только теории финансового права, но и отечественной теории права. Ответ на него заключен в исследовании вышеназванной прескриптивной языковой формы правовых норм и может быть получен при взаимодействии трех наук: 1) лингвистики, теории языка; 2) семиотики, науке о знаках, подразделяемой на синтактику (изучает формы и структуры знаков, семантику (смысл знаков) и прагматику (значение знаков)); 3) логики, прежде всего модальной логики и так называемой деонтической логики, или логики норм.

Подстановка императивного или диспозитивного оператора к диспозиции нормы истолковывается как применение императивного или диспозитивного метода правового регулирования. Хотя норма современного законодательства может содержать несколько диспозиций в различных модальностях таким образом, что однозначный вывод об императивности или диспозитивности нормы невозможен, сохраняется возможность говорить о существовании так называемого императивного и диспозитивного методов регулирования. Первостепенным остается главное свойство нормы — замыкать петлю обратной связи между последствиями деяния и правовым положением субъекта деяния.

Метод права представляет собой суперпозицию применения методов друг к другу в виде следующего комплекса: метод обратной связи, метод правовой формы, метод прескриптивной языковой формы и др., в том числе лингвистический, модально-логический и семиотические методы. В суперпозиции они образуют так называемый фундаментально-знаковый метод правового регулирования. Традиционно признаваемые в составе единого метода права императивный и диспозитивный способы правового регулирования относятся к модально-логическому методу (поскольку являются языковой фор-

² Цит. по: Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: избр. тр. / общ. ред. Г. И. Рузавина, В. А. Смирнова; пер. с англ. М., 1986. С. 246.

³ Бельский К. С. и др. Финансовое право: учебник / под ред. С. В. Запольского. М., 2006. С. 43—44.

мой применения деонтических модальных операторов, как это показал В. Г. Лейбниц), который выступает общеправовым методом и потому методом финансового права.

Фундаментально-знаковый метод финансово-правового регулирования сложен, поскольку состоит из ряда взаимодействующих и взаимосвязанных между собой методов — лингвистического, модально-логического и семиотического. Ни один из них (взятый отдельно) не может порождать эффективные формы финансово-правового регулирования без участия других.

А. Г. Спиркину⁴ принадлежит идея о том, что методом управления является язык, естественный язык. Очевидное следствие этой идеи — признать государственный язык методом правового регулирования и методом права. Это особенно справедливо для права и его языка, имеющего всегда статус государственного. Метод государственного языка является основным и общим для всего права и его отраслей, в том числе финансового, образуя для него первую компоненту фундаментального метода регулирования.

Модально-логический метод. В XX в. были получены существенные результаты по проблемам построения так называемых релевантных логик, т. е. таких математических логик, которые адекватно отражают правила вывода истинных положений из истинных же посылок

и выражает метод научного исследования и умозаключения при получении научного знания. Среди них — модальные логики и логики возможных миров. Фундаментальное значение для метода права образовала деонтическая модальная логика, иными словами, логика норм. Вышеназванные способы правового регулирования — обязывание, запрещение, дозволение есть не что иное, как однокоренные лексические производные формы от модальных операторов деонтической логики первого порядка — обязательно, запрещено, дозволено. Естественно-языковое соединение модального оператора с номинацией регулируемого предмета, в нашем случае конкретного финансово-правового действия, отношения, свойства, состояния, дела, порождает правовую норму.

В сборнике избранных работ Г. фон Вригта⁵, одного из немногих крупнейших философов современности, которого в европейской науке считают «великим ныне живущим философом», представлено происхождение деонтической логики как логики норм, имеющей фундаментальное значение для методологии правовых норм и права. Ее зачинателями независимо друг от друга были Аристотель, Г. В. Лейбниц, И. Бентам и Т. С. Малли. Она возникла как ветвь модальной логики⁶. Однако никто из ее позднейших основателей, по-видимому, не сознавал, что их основная идея была явно предвосхищена Г. В. Лейбницем в «*Elementa juris naturalis*». Модально-логический метод права, в том числе и финансового, включает в качестве своих способов методы модальной логики (деонтической модальной логики с ее императивными — обязательно, запрещено и диспозитивными — разрешено, дозволено операторами), а также методы иных модальных логик (алетической, темпоральной, те-

⁴ Спиркин Александр Георгиевич (1919—2005), российский философ и психолог, доктор философских наук (1959), профессор (1970), член-корреспондент Российской академии наук, вице-президент Философского общества СССР (1971—1975), заместитель главного редактора «Философской энциклопедии» (1960—1970), председатель секции философских проблем кибернетики Научного совета по кибернетике и Научного совета по проблемам современного естествознания при Президиуме Академии наук СССР (1962—1981). URL: <https://sites.google.com/site/psychoanalysisbio/home/s/spirkin>.

⁵ Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования.

⁶ Там же. С. 245.

леологической)⁷, логики возможных миров⁸. Модально-логический метод права образует методы и приемы нормотворческой техники, в том числе пресловутые многоступенчатые и многодиспозиционные предложения норм англосаксонского и комплексы предложений романо-германского права.

Математическая деонтическая модальная логика предоставляет возможность для модальных операторов выделять отдельную позицию в формулировках диспозиции нормы и с такими выражениями выполнять формальные алгебраические операции, вычислять условия, когда из простых имплицативных модальных выражений гипотез и диспозиций будут строиться непротиворечивые сложные нормы в форме деонтических модальностей высших порядков. Следует подчеркнуть, что российские исследования в области модально-логического моделирования правовых норм находятся в самой начальной стадии. Отечественные учебники по теории права, тем более по его отраслевым наукам, постулируя императивный и диспозитивные методы в праве, даже не упоминают их фундаментальную основу в виде деонтической модальной логики для применения этих методов при построении сложных норм. Применение методов математической модальной логики при формулировании правовых норм отнюдь не влечет насыщения текстов нормативных актов какими-либо математическими формализмами. Последствия модально-логического моделирования обнаруживаются подчас в виде исключительной длины и сложной структуры нормы, которая выстраивается из многих гипотез и диспозиций, объединенных в одно сложносочиненное предложение, занимающее под-

час целую страницу в 60 строк, состоящее из «лесенок» нумерованных абзацев разных логических уровней, как, например, в современном законодательстве США. Это позволяет исчерпывающим образом регулировать полномочия органов и должностных лиц публичной власти, сокращая зону их свободного усмотрения до заранее определенных законом альтернатив, что влечет ограничение возможностей для коррупции, злоупотребления властью своими полномочиями, особенно финансовыми.

Названные деонтические модальности и их операторы нередко вследствие многократного внесения изменений в один и тот же закон, например в Бюджетный кодекс РФ в части финансового контроля, сменяют друг друга в регулировании одних и тех же правоотношений. Поэтому пресловутые императивный и диспозитивный методы помимо своей роли при нормоформулировании являются также методами, устанавливающими отношение нормы к подверженному праву лицу, т. е. к субъекту права. Они есть методы нормоустановления и, введем неологизм, нормовменения субъекту права, что не охватывает все действия и значения метода правового регулирования, лежащего в основе, но не исчерпывающего метода права.

Семиотический метод. Метод в праве троичен, подобно тому как троична природа знака, согласно открывшему ее в рамках науки семиотики Г. Фреге. Любая норма права — это знак, он как знак права имеет юридическую и лингвистическую форму. Норма выступает, по мнению автора статьи, как *имя* для именуемого и квалифицируемого ею. Имя — первый компонент знака. Наряду с вербальными (писаными) нормами законов действуют символные нормы, например в виде знаков дорожного движения, денежного достоинства, офицерских званий, воинских заслуг, дипломатических рангов и др. Символьные нормы указывают на действие обозначаемых ими

⁷ Вригт Г. фон. Если — то // Исследования по неклассическим логикам. М., 1989. С. 4—15.

⁸ См., например: Бабушкин А. П. Возможные миры в семантическом пространстве языка. Воронеж, 2001.

вербальных норм. Сигнификат (лат. *significatum* — обозначаемое) нормы как знака, как имени включает в себя второй компонент знака, юридическое значение нормы (экстенсионал, денотат) — совокупность подпадающих под регулирование данной нормы субъектов, их действий, состояний и отношений, квалифицируемое, и третий компонент — правовой смысл, иначе — интенционал, десигнат, именуемое. Согласно теории Г. Фреге о тройственной природе языкового знака сам знак — это такой целостный материальный единичный объект, который, во-первых, указывает на другие материальные объекты, образующие значение знака, и, во-вторых, на соответствующий означаемому материальному объекту идеальный объект, понятие или смысл знака⁹. В финансовом праве к этим трем компонентам метода права добавляется четвертый — денежная ценность, для которой нормой предусматривается осуществление финансовых действий, отношений, состояний. Знаками форм права выступают нормы, законы и иные правовые акты. Смыслами форм права являются правила установления и осуществления отношений, совершения действий, пребывания, использования и прекращения различных правовых положений и состояний. Значениями форм права являются конкретные предусмотренные нормами в качестве правомерных или правонарушающих осуществленные или осуществляемые отношения, действия и состояния правовых лиц, т. е. лиц, подверженных праву. Тем самым объективное право с точки зрения метода семиотики образует смысл правовых норм, а субъективное право — их значение.

Метод финансового права с точки зрения семиотики или как семиотический метод финансового права прятен. Он является: 1) методом ис-

следований законодательства и права, т. е. методом юридической науки, в том числе науки финансового права; 2) методом правового регулирования — создания финансов и финансовых правоотношений; 3) методом правоприменения норм финансового права любыми его субъектами, гражданами, юридическими лицами, государственными органами, судами, в том числе третейскими; 4) методом финансово-правового контроля; 5) методом поиска истины и судебного состязания сторон в финансово-правовых спорах. Признаком систематического применения этого метода как специфического метода финансового права является формирование профессионального языка на основе государственного естественного языка, понятие которого получают закрепление в юридических дефинициях законов, например в ст. 6 Бюджетного кодекса РФ, и словарях.

Применение методов семиотики в праве влечет рассмотрение в качестве знаков как целостных единиц правовых актов, норм, а также функциональных единиц нормы — гипотез, диспозиций, санкций. Семиотический анализ правовых форм в отечественной науке находится на начальной стадии, постепенно начинают появляться диссертационные исследования, выполненные с применением методов семиотики к праву. Финансовое право только ожидает таких монографических трудов. Но анализ А. К. Саркисовым вексельного права показывает здесь большие возможности¹⁰. Метод семиотики позволил диссертанту сделать интересные выводы для гражданского права, что указывает на его возможную эффективность и для финансового права. Выводы автора также показывают результативность применения методов семиотики не только в гражданском праве. «Семиотиче-

⁹ См.: Фреге Г. Избранные работы. М., 1997. С. 25—49.

¹⁰ См.: Саркисов А. К. Семиотика права (Историко-правовое исследование правовых знаковых конструкций): дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2000.

ский анализ правовых институтов объясняет это особенностью правовых знаковых конструкций... существует устойчивая тенденция к максимальному сужению знакового поля на строго формальной основе, при которой отсекаются любые разночтения как «дефекты формы» (под которыми понимают или «отступление от порядка и правил оформления векселей при выдаче и индоссировании»¹¹, или собственно дефекты содержания)¹², с точки зрения семиотики являющиеся различиями внешней формы плана содержания знаковых конструкций»¹³.

Изучением последовательностей знаков права занимается синтактика права. Истолкованием смыслов знаков — семантика, значений — прагматика, смысловой и субъектной соотношенности — герменевтика. Особо значимые результаты могут быть достигнуты в случае синтезирующего применения методов семиотики и кибернетической обратной связи. Обнаруживается, например, что само по себе наличие императивных и диспозитивных норм в законодательстве вовсе не обязательно влечет реальность права в любом обществе и его безусловное и непресекаемое применение и значение в конкретном государстве. Право существует по мере и в степени применения норм по всем соответствующим его субъекциям, т. е. действиям, отношениям, деяниям, состояниям и делам правовых субъектов. Однако наличие законодательства и применение его — это лишь необходимые, но еще не достаточные условия для того, чтобы право было реальностью в конкретном обществе, чтобы в нем было осуществлено равенство граждан перед законом и судом, образовалась граждан-

ская нация¹⁴ как союз граждан, равных в праве перед законом и судом. Достаточность законодательства и правоприменительной практики для становления права как реальности начинается с того, что нормы, объединенные в институты, образуют и осуществляют обратные связи положительных и отрицательных последствий для всех деяний, отношений, состояний, разрешаемых и исполняемых дел с субъектами этих правовых субъекций. Если право, особенно финансовое, не установлено и не осуществляется в качестве обратной связи ответственности за финансовые и экономические последствия от действий должностных лиц государственных органов по расходованию бюджетных средств в соответствии с заранее установленными целями и на исполнение предусмотренных функций государства, то такое право не имеет регулятивного значения и представляет собой не право, а право-образ, право-подражание, установленное законодательством, что является следствием неполноты законодательного регулирования институтов финансового права. Задача исчерпывающего урегулирования финансовых правоотношений — это задача для метода финансового права в тех разделах его предмета, которые связаны с публично-правовыми формами финансовых отношений. Совершение исчерпывающего урегулирования является безусловным императивом регулирования, поскольку в сфере публичного права, регулирующего действия, отношения, состояния и дела публичных органов и должностных лиц власти, этим субъектам запрещено все то, что непосредственно не установлено законом. Неполнота регулирования влечет невозможность соблюдения этого правила, следствием чего является

¹¹ Цит. по: *Захарьин В. Р.* Всё о векселе. Практика применения. Учет. Налоги. Нормативное обеспечение. М., 1998. С. 38.

¹² Цит. по: *Гудков Ф. А.* Вексель. Дефекты формы (методики выявления типичных ошибок). М., 1998. С. 11.

¹³ *Саркисов А. К.* Указ. соч.

¹⁴ Понятие гражданской нации предложено Н. М. Казанцевым (см.: *Казанцев Н. М.* Публично-правовое регулирование государственной службы: институциональный и функциональный подход. М., 1999).

свобода властеисполнения, неизбежно влекущая коррупцию публичной власти как системное явление правоприменительной практики.

В условиях сложных норм современного финансового права задача обеспечения исчерпывающего урегулирования всех публично-правовых форм финансовых отношений не может быть решена без использования всего арсенала методов наук, исследующих порядок, смыслы и значения знаков и знаковых отношений в обратных связях, возвращения позитивных и негативных последствий от действий, отношений, состояний и делоразрешения их акторам — публичным и частным субъектам финансового права. Это — синтезные методы семиотики, кибернетики и модальных логик, особенно деонтической логики и логики возможных миров. Автор статьи ранее рассматривал вопросы полноты модального пропозиционального анализа и урегулирования смыслов и значений институтов и институциональных категорий финансового права посредством исчерпывающего установления субъектных, предметных, предикативных, атрибутивных, детерминатных и релятивных характеристик¹⁵.

Семиотикоправовые исследования включают в себе значительный потенциал, в частности потому, что эта отечественная научная мысль начала развиваться с XIX в., а по утверждению отечественного ученого, исследовавшего развитие семиотики в России с досоветских времен, Г. Г. Почепцова, «русская семиотика... оказалась практически единственной гуманитарной областью бывшего СССР, получившей мировую известность»¹⁶.

Еще не изжитая догма советской теории государства и права, по которой право неким образом основывается на экономике. Не вдаваясь ни в детали формулировок соотношения экономической и юридической наук и практик на языке первоисточников, ни в виновность основоположников марксизма в смысле этой растиражированной догмы, обратим внимание на методологический порок такого подхода. Порок в том, что в качестве основания науки предполагается вовсе не более общая наука и теория, а та практика, которая осуществляется в порядке применения этой научной теории. По такой логике основания математики образует геодезия. Ведь необходимость в математике вызвали землемерные работы. Идея К. Маркса о том, что потребности двигают науку больше чем десяток университетов, имеет сугубо люмпенские форму и характер. Экономическая практика — это отрасль и результат правоприменения. Уже поэтому она не может быть основанием для правовой науки без того, чтобы не совершать известную еще со времен Древней Греции логическую ошибку, называемую круг в определениях понятий. Исторические причины порока методологии советского обществознания понятны: идеологизация личности предшествовала получению личностью академического образования. Априористский идейный догматизм препятствовал академизации сознания и научных исследований. То, что советский марксизм, кстати, созданный вовсе не К. Марксом, а партийными активистами без систематического академического образования, — это априористская идеология веры, оппозиционная науке и научному методу познания действительности, было показано школой логического позитивизма и логической семантики, в которой по этой тематике пионерное значение принадлежит работам Р. Карнапа, построившего систему критериев, отграничивших научное знание от идеологии. Крах СССР по-

¹⁵ См.: Казанцев Н. М. Институты финансового права // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 101—102; Институты финансового права / под ред. Н. М. Казанцева. М., 2009. Гл. 1, 2.

¹⁶ Почепцов Г. Г. История русской семиотики до и после 1917 года: учеб.-справ. изд. М., 1998.

казал практическое значение этого вывода. Советский марксизм показал себя технологией люмпенизации личности, а люмпены живут воровством и подаяниями и не могут держаться на себе государство. Каждому по потребностям, от каждого по способностям — идеология люмпенизма. Из этой же среды и популярная мечта об иностранных инвестициях при разбазаривании собственных средств.

Как в естественных науках метод науки обуславливает предмет науки и создает саму науку и соответствующую наукоприменяющую практику (введем такой неологизм), так и метод права приводит к определению понятия права и порождает его природу как универсальной обратной связи свободы граждан, общества и государства. Соответственно, имеем понятие финансового права как универсальной обратной связи свободы оценки, соизмерения, обмена, обращения, реализации и приумножения мерных ликвидных ценностей граждан, обществ и государств. Этим самым финансовое право совершает выход за границы национального государства, что влечет глобализацию человека и человеческого, следовательно, и глобализацию национальных человеческих обществ и человека национального общества в качестве естественного процесса. Национальное государство как институт компенсации и защиты неразвитого национального у его граждан преодолевается.

Метод науки и общество знания. Общество знания, придавая завершенность этому понятию, ставшему центром академической дискуссии¹⁷, может быть определено как общество, всякая практика в котором является наукообразуемой, науко-реализующей и наукоразвивающей,

будь то инженерная практика, основанная на естественных науках, или практика общественных отношений, состоящая в осуществлении и развитии прав человека, гражданина, предпринимательских и политических обществ, государства, общественных организаций. В обществе знания метод науки первичен по отношению к методам общественной практики, поэтому *метод* права как науки первичен для права как регулятора частных и общественных отношений. Следовательно, методы финансово-правового регулирования должны основываться на методе финансового права как науки о формах раскрытия и методах исследования природы и практики правил свободы осуществления ликвидных мерных форм прав собственности лицами частного и публичного права, а также прав ценности этих прав собственности. Права ценности ликвидных мерных прав собственности представляют собой все возможные первичные и производные финансовые инструменты, в том числе и деньги в их различных формах — от металлических и бумажных до электронных. Ценные бумаги, во-первых, выражают ликвидные мерные права собственности как права, вытекающие из бумаг, во-вторых, обладают рыночной ценностью и потому образуют права ценности для себя и базового актива прав из бумаг. Так, облигации являются правами собственности на их рыночную ценность и на доход по ним, акции — также правами на участие в управлении компанией. Под осуществлением ценности ликвидных мерных прав собственности, или осуществлением финансовых инструментов, понимаются операции по созданию, эмиссии, обращению, распределению, накоплению, страхованию, реализации, использованию, приумножению и деривации финансовых инструментов. Здесь деривация — это образование производных финансовых инструментов посредством основных инструментов, денег и ценных бумаг или иных базовых активов. Обратим

¹⁷ См., например: Социальное знание на службе российского общества / Научный совет Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания». М., 2010.

внимание, что операции по осуществлению или реализации ценности ликвидных мерных прав собственности могут именоваться операциями по осуществлению или реализации финансовых инструментов.

Метод финансового права как конструкт. Метод финансового права также образован прескриптивной языковой формой норм, но добавляет в ее позиции стоимостные, правильнее сказать, ценностные параметры и критерии. Метод финансового права реализуется через практики, образующие в своей последовательности цикл обратной связи финансового права в целом, — финансовое правосознание, финансово-правовое нормотворчество, финансово-правовое исполнение, финансовый контроль и финансовая юстиция. Это макроцикл обратной связи финансового права. Как правило, метод финансового права применяется в рамках микроцикла обратной связи финансового права, включающей финансово-правовое исполнение, финансовый контроль.

Метод финансового права един с методом права, поскольку издревле состоит в установлении форм воздаяния по заслугам рефлексии или обращения деяния и его последствий, как позитивных, так и негативных, на совершившего его деятеля. В случае недостаточности форм для обеспечения воздаяния (возмездия) по заслугам возникает необходимость осуществления мезоцикла обратной связи финансового права, в котором к микроциклу добавлен этап финансовой юстиции. Необеспечение достаточной полноты воздаяния¹⁸

субъекту положительных достижений или применения мер по компенсации ущерба, им причиненного, метод финансового права применяется посредством реализации макроцикла обратной связи финансового права в целом — от совершения правосознания пробела урегулирования отношений, нормотворчества до финансового контроля. Этот метод влечет признание правомерными лишь тех отношений и позиций сторон, которые не умаляют прав каждого из субъектов и которые, будучи осуществлены, либо доставляют каждой из сторон ресурсы и правовые возможности для последующего их возобновления, либо привлекают к ответственности нарушителя прав таким образом, чтобы он компенсировал причиненный им вред пострадавшей стороне и ущерб закону в лице государства. Это и есть метод обратной связи, причем этот метод изначально, при осуществлении обратной связи как справедливого воздаяния (возмездия) либо вознаграждения, соединил финансовое воздаяние с правовым, придав финансовому праву самостоятельный статус наряду с правом публичным или частным. Метод обратной связи в качестве основополагающего метода присущ не только праву, но и всякой науке как объективному знанию, получаемому и корректируемому через свои экспериментальные применения, производимые под надзором экспертов и в целях всеобщего тиражирования и использования для различных сообразных предмету научного открытия нововведений.

В финансовом праве вследствие заимствования из других сфер гуманитарного знания, в частности из экономической науки и теории социального управления, сложилось деформированное понимание обратной связи и порождаемого ею метода. В опубликованной нами ранее статье был показан вклад замеча-

¹⁸ Воздаяние, возмездие — принцип, в силу которого зло оплачивается злом, а добро — добром. Многие философы и криминалисты (римские юристы, схоластики и представители школы естественного права (Фома Аквинат, Г. В. Лейбниц, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель и др.)) принимают этот принцип за основание карательных мер. По этой теории наказание есть проявление безусловной справедливости, требующей воз-

мездия за причиненное преступлением зло.
URL: <http://slovari.yandex.ru>.

тельного финансового правоведа О. Н. Горбуновой в обосновании роли финансового права в реализации обратных связей управления в ее недавних работах¹⁹. Теперь обратимся к более ранним трудам ученого, в которых сказалось влияние ошибок отечественной экономической науки. Так, О. Н. Горбунова, ссылаясь на толкование обратной связи профессором А. М. Омаровым²⁰, пишет, что «до сих пор управляющее воздействие через финансы осуществлялось в основном «жестко» через прямые связи...»²¹. Конечно, финансово-правовая наука не может обойтись без экономической, как, например, современная физика без математики. Но советская экономическая наука, поставленная в зависимость от философии советского марксизма, оказалась неспособной понять правильно идеи кибернетики и выступила деформирующим посредником между кибернетикой и правом, а вслед за ним и финансовым правом. Именно через обратную связь осуществляется управление как в теоретической кибернетике, так и в различных видах конкретного управления, будь то полет ракеты или движение человеческой руки. Понятие прямых связей не используется в кибернетике по причине их отсутствия в реальных процессах управления. Пресловутый диалектический метод мышления препятствует выходу за границы антиномии «прямые-обратные» и делает невозможным понимание гуманитариями советской школы того, как единственно может совер-

шаться действительное управление реальными системами. Конечно, прикрытая авторитетом экономической науки и диалектической философии доктринальная ошибка толкования обратной связи трудна для распознавания. Об ограниченности последней высказывался ученый-логик Н. И. Кондаков, который писал в своем словаре, что «диалектическая логика Гегеля — это не логика в общепринятом значении этого слова... не общечеловеческая наука о законах и правилах выводного знания... а философская, следовательно, в конечном счете, в классовом обществе классовая партийная наука о законах возникновения, развития и изменения природы, общества и мышления... как известно, К. Маркс никогда не употреблял термин «диалектическая логика»²².

Пресловутые прямые связи совершаются в регулируемом продуктивном процессе, это обрабатывающие воздействия, они еще не управление. Если управляющий их практикует, то он вовсе не управляющий, а лишь агент, инструмент обработки. Здесь управляет кто-то иной или случай. Такие системы перестают развиваться в какой-то момент и распадаются, как, например, СССР.

Державно-правовой характер традиций российского правоприменения таков, что законодательство создает формы для ручного, авторитарного управления, а обратные связи, создаваемые правом, вследствие его собственной природы неизбежно ограничиваются, ранее — идеологическими догмами, теперь политическими или коррупционными интересами. По сей день пишутся и действуют нормы, не защищенные санкциями и не предусматривающие положительного стимулирования в виде незыблемости статуса субъекта при их соблюдении.

¹⁹ Казанцев Н. М. Метод финансового права: переосмысление // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 52.

²⁰ См.: Омаров А. М. Социальное управление, некоторые вопросы теории и практики. М., 1980. С. 85.

²¹ Горбунова О. Н. Проблемы совершенствования основных финансово-правовых институтов в условиях перехода России к рынку: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 18.

²² Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд. М., 1975. С. 145.

Предмет науки финансового права образуют те реалии, которые образуют предмет финансового права как собственно права. Финансовое право, будучи *правом на мерную национальную ликвидность*, создает условия для *возвращения в ликвидной форме рыночной ценности результатов деятельности каждому* из субъектов публичных и частных отношений, благодаря которым были возможны заключение и исполнение гражданских и трудовых договоров относительно подготовки технологического процесса, собственно производства, выпуска и реализации товаров на рынке. Образую собой меру для обратной связи между рыночным признанием ценности товара и произведенными затратами на него, финансовое право при поддержке гражданского и трудового возвращает каждому из субъектов в соответствии с законом или договором его вклад в производство и обращение произведенных новых благ, ценностей и прав: налогов — государству, зарплаты — управляющим, инженерам и рабочим, прибыли — владельцам предприятия. Качество финансово-правового, а также гражданского законодательства обуславливает ту меру возмещения затрат, которая позволит каждому из участников жить и развиваться в большей или меньшей степени и создавать новые условия для будущего производства и развития экономики этого правового порядка.

Библиографический список

Бабушкин А. П. Возможные миры в семантическом пространстве языка. Воронеж, 2001.

Бельский К. С. и др. Финансовое право: учебник / под ред. С. В. Запольского. М., 2006.

Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: избр. тр. / общ. ред. Г. И. Рузавина, В. А. Смирнова; пер. с англ. М., 1986.

Вригт Г. фон. Если — то // Исследования по неклассическим логикам. М., 1989.

Горбунова О. Н. Проблемы совершенствования основных финансово-правовых институтов в условиях перехода России к рынку: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.

Гудков Ф. А. Вексель. Дефекты формы (методики выявления типичных ошибок). М., 1998.

Захарьин В. Р. Всё о векселе. Практика применения. Учет. Налоги. Нормативное обеспечение. М., 1998.

Институты финансового права / под ред. Н. М. Казанцева. М., 2009.

Казанцев Н. М. Институты финансового права // Журнал российского права. 2005. № 9.

Казанцев Н. М. Метод финансового права: переосмысление // Журнал российского права. 2012. № 6.

Казанцев Н. М. Публично-правовое регулирование государственной службы: институциональный и функциональный подход. М., 1999.

Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд. М., 1975.

Омаров А. М. Социальное управление, некоторые вопросы теории и практики. М., 1980.

Почепцов Г. Г. История русской семиотики до и после 1917 года: учеб.-справ. изд. М., 1998.

Саркисов А. К. Семиотика права (Историко-правовое исследование правовых знаковых конструкций): дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2000.

Социальное знание на службе российского общества / Научный совет Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания». М., 2010.

Фреге Г. Избранные работы. М., 1997.